

М.Е.
САЛТЫКОВ-ШЕДРИН

СКАЗКИ

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Празднѣй разговор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319482

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Праздный разговор

* * *

Нынче этого нет, а было такое время, когда и между сановниками вольтерьянцы попадались. Само высшее начальство этой моды держалось, а сановники подражали.

Вот в это самое время жил-был губернатор, который многому не верил, во что другие, по простоте, верили. А главное, не понимал, для какой причины губернаторская должность учреждена.

Напротив, предводитель дворянства в этой губернии во все верил, а значение губернаторской должности даже до тонкости понимал.

И вот, однажды, уселись они вдвоем в губернаторском кабинете и заспорили.

– Между нами будь сказано, решительно я этого не понимаю, – сказал губернатор. – По моему мнению, если бы нас всех, губернаторов, без шума упразднить, то никто бы и не заметил.

– Ах, вашество, как вы так выражаетесь! – возразил ему

удивленный и даже испуганный предводитель.

– Разумеется, я это конфиденциально... но ежели говорить по совести, то опять-таки повторяю: положительно я этого не понимаю! Представьте себе: живут люди мирно, бога помнят, царицу чтут – и вдруг к ним... губернатор!! Откуда? как? что за причина?

– А та и причина, что власть! – урезонивал его предводитель, – нельзя без оной. Вверху – губернатор, посередке – исправник, внизу – тысяцкий. А по бокам – предводители, председатели, воинство...

– Знаю. Но зачем? Вы говорите: «тысяцкий», – хорошо. Тысяцкий – это который при мужике, – понимаю и это. Теперь представьте себе: живет мужик, поле работает, пашет, косит, плодится, множится, словом сказать, круг жизни своей производит. И вдруг, откуда-то из-под низу, – тысяцкий... Зачем? что случилось?

– Не случилось, но может случиться, вашество!

– Не верю-с. Ежели люди живут в свое удовольствие – зачем для них тысяцкий? Ежели они тихим манером нужды свои справляют, бога помнят, царицу чтут – что тут случиться может, кроме хорошего? И что тысяцкий может в данном случае устранить или присовокупить? Даст бог урожай – будет урожай; не даст бог урожаю – и так как-нибудь проживут. При чем тут тысяцкий? разве он может хоть колос единый в снопе убавить или прибавить? – Нет, он налетит, намутит, нашумит, да, того гляди, в заключение, еще в острог

кого-нибудь посадит. Только и всего.

– Ну, не даром же посадит, а тоже за что-нибудь!

– Однако, согласитесь, что если б его нелегкая не принесла, все шло бы без него своим чередом, и никакого бы «что-нибудь» не случилось. Во всяком случае, в остроге никто бы не сидел. А как только он появится, так тотчас же вслед за ним и «что-нибудь» явилось.

– Ах, вашество, ведь и тысяцкие разные бывают! Вот у нас, например...

– Нет, вы меня выслушайте. Я не об личностях веду речь и не парадоксами перед вами щегольнуть хочу. Я по опыту эту музыку знаю и даже на самом себе могу пример показать. Уезжаю я, например, из губернии – и что вдруг случилось? Не успел я за заставу отъехать, как вдруг во всей губернии наступило благорастворение воздухов. Полициймейстер – не скачет, квартальные – не бегут, городовые – не усердствуют. Даже и простецы, которые и о существовании моем досконально не знают, и те чувствуют, что из их жизни исчезла какая-то запятая, от которой им во всех местах больно было. Что сей сон означает? – спрашиваю я вас. А то, государь мой, что мой заступающий не все то может сделать, что я могу, и что, следовательно, и служащим, и обывателям на всю эту разницу легче стало. Но вот я возвращаюсь опять к своему посту. Шум, треск, езда, беготня... Кто в фуражке ходил – бежит в треуголке; кто в полном удовольствии месяц прожил – снова приходит в унылость; все видят впереди

бесконечную распостыльную канитель... Да, впрочем, что же много об этом толковать! вы и на себе наверно хоть отчасти да испытали...

Действительно, предводитель вспомнил, что и за ним в этом роде грешок водился. Как только, бывало, губернатор за ворота, так он сейчас: «Эй, тарантас!» – и марш в деревню. И ходит там без оных, покуда опять начальство к долгу не призовет. Только одну проформу и соблюдает, что, едучи мимо вице-губернаторской квартиры, зайдет на минуту к заступающему должность и условится:

– Уж вы, Арефий Иваныч, коли что случится, гонца пришлите!

– Чему случиться! с богом!

– Ну, так прощайте; Капитолине Сергеевне кланяйтесь. Пошевеливай! – Только его и видели.

– Есть тот грех, – сказал он, – только все-таки не оттого...

Просто отдохнуть хочется... вот и пользуешься.

– То-то что «отдохнуть»! а кто отдохнуть помешал? разве в отдыхе грех какой? Никакого греха нет, а просто мешал, потому что он губернатор – только и всего. Теперь пойдем дальше. Замечали ли вы, как партикулярные люди о губернаторе отзываются, когда похвалить его хотят? «Это, говорят, хороший губернатор: он сидит смирно, никого не трогает». Вот-с. Стало быть, что всего более в губернаторе любезно – это ежели он благосклонно бездействует. И в самом деле, рассудите по совести, в чем его вмешательство в обыватель-

ских делах пользу принести может? Приехал он в губернию чуженин-чуженином – это раз; обучался он, может быть, чему-нибудь, да только не тому, чему следует, – это два. Затем: статистики он – не знает, этнографии – не понимает; нравы и обычаи – не при нем писаны; где какая река, куда течет, почему и в каком смысле – это он разве тогда узнает, когда раз пять вдоль и поперек губернию исколесит; о железных дорогах знает только, когда и куда какой поезд отходит, чтобы в случае чего не опоздать; а зачем дорога построена, сколько в прошлом году доходов собрано, сколько в нынешнем, где и какую питательную ветвь надо провести, – все это для него – темна вода во облацех. И можно бы все это узнать, и сведения все под руками, да неинтересно и не для чего. Ничего из этих сведений не выйдет.

– Или насчет торгов, ремесл, промыслов: сапожное там ремесло, огороднический промысел; в одном месте рогожи ткут, в другом – косы, серпы куют: зачем? почему? Где раки зимуют?

– Вашество! – прервал предводитель расходившегося губернатора, – да ведь я – обыватель здешний, а и я этого ничего не знаю!

– Вы – другое дело; вы – предводитель. Подают вам за столом говядину – вам и нужды нет, откуда она. Была бы съедобна – только и всего. А я – губернатор, я должен все знать. Меня – нет-нет, да и спросят: «В каком, мол, положении у вас огородничество?»»

– Да, по нынешнему времени, всего ожидать можно.

– Нынче, батюшка, чтобы всякая копейка на счету стояла, чтобы все, из чего извлечь можно, – «где, бишь, оно? не полезно ли, мол, обложить?» Вот нынче как. Ну, и отвечаешь на всякий случай, чтобы без хлопот: «Оставляет, мол, желать многого».

– Н-да, а между тем капуста у нас...

– То-то «капуста». А я только недавно об этом узнал. Намедни дают кочан; я думал, он из Алжира – а он из Поздеевки.

– Из Поздеевки – это верно; там и морковь, и репа – всякий овощ. Так-то всегда у нас. Мы по Эмсам да по Мариенбадам воду пить ездим, а у нас, в Поздеевке, своя вода есть, да еще лучше, потому что от мариенбадской-то воды желудок расстраивается.

– А скажите-ка, кто поздеевскую-то капусту завел? Небось губернатор? как бы не так! Мужичок, сударь. Побывал во времена оны какой-нибудь поздеевский Семен Малявка в Ростове, посмотрел, как тамошние мужички капустную рассаду разводят, да и завел, воротясь домой, у себя огородец, а глядя на него, и другие принялись.

– Это так точно, вашество, – вынужден был согласиться предводитель.

– И все у нас промыслы как-то местом ведутся. Тут – благодать, а рядом – нет ничего. Представьте себе, около этой самой Поздеевки деревня Развалиха есть, – так там об ого-

родах и слыхом не слыхать, а все мужички до одного шерстобиты. Летом землю общим крестьянским обычаем работают, а зимой разбредутся кто куда и шерстобитничают. И тоже не губернатор завел, а побывал простой мужик Абрамко в Калязинском уезде и привез оттуда.

– Вот и понимайте теперь. Капуста, огурцы, шерстобитничество, сапоги, рогожи... всё они, всё обыватели! Вы думаете, у вас, в Растеряевке, колокольню кто построил? губернатор? Ан нет, купец Поликарп Аггеев Параличев ее построил, а губернатор только на освящении был да пирог с визигой ел.

– Это верно.

– А переславских сельдей кто первый коптить начал?

– Тоже верно. Не губернатор.

– А семгу-порог? а Кольскую морошку? а ржевскую и коломенскую пастилу? Губернатор? а?

– Позвольте, вашество! но ведь, кроме огородничества и бакалеи, есть и других предметов достаточно...

– Например?

– Подати, например... Собирать их, взыскивать...

– А что такое подати? слышали?

– Подати... это, так сказать, свидетельство принадлежности... – начал было предводитель, но запутался и умолк.

– То-то «свидетельство»... А как вы думаете, приятное это «свидетельство»? Смотрите-ка! за податями приехал! Ах, как приятно! Диво бы секрет разведения муромских огурцов или копченья тамбовской ветчины привез... а то по-

дати выбивать! Да и как, позвольте спросить, я это «свидетельство принадлежности» осуществлю, ежели, например, у поздеевских мужиков капуста не родится? Какая моя в этом разе роль? Разошлю по исправникам циркуляр – только и всего; а исправники наполнят губернию криком – тоже только всего. Во всяком случае, я понуждаю – не знаю, на какой предмет; исправник кричит – тоже на какой предмет, не знает. Что такое случилось? Куда скрылись казенные подати? Неурожай ли мужика обездолил, пьянство ли одолело, мироед ли к нему присосался, или мужик сам капризничать начал, кубышку вздумал копить? Вот ведь сколько разных случаев может быть, да и все ли еще тут! А мы суетимся, гамим, знать ничего не хотим: чтоб были подати – только и всего!

– Да, это так точно. И нагамят, и нашумят, и даже под рубашку заглянут; а какой в том результат – сами не знают! – грустно подтвердил предводитель.

Оба собеседника на минуту задумались.

Первый очнулся предводитель. Он, по-видимому, еще не отчаивался, и у него уже назрел было вопрос: «А народная нравственность? а просвещение? науки? искусства?» – как губернатор словно угадал его мысли и так строго взглянул на своего собеседника, что тот мог вымолвить только:

– А народное продовольствие?

– И вам не совестно? – вместо ответа спросил его в упор губернатор.

Предводитель покраснел. Он вспомнил, как в начале года

он, в качестве председателя земской управы, разъезжал по волостям и т. д. Вспомнил и застыдился.

– Так неужто же наконец... – воскликнул он и вдруг нечто вспомнил, – позвольте! вот вам предмет: содействие к соединению общества!

– Какого такого общества?

– Здешнего-с.

– Гм... так вы думаете, что я соединяю здешнее общество?

– И вы, вашество, и супруга ваша... Лукерья Ивановна.

– Лукерья Ивановна – может быть, но я... нет! меня... увольте! Да и кому наконец этот предмет нужен... «соединение общества»... да еще здешнего?!

Собеседники окончательно умолкли. И, может быть, им пришлось бы очень неловко, если б на выручку не явился из губернского правления казначей.

Это было 30-е число месяца. В этот день, как известно, производилась некогда получка жалованья, и казначеи всех ведомств являлись к начальникам с денежными книгами, которые очищались расписками в получении.

Губернатор принял от казначея пачку, не торопясь, пересчитал деньги, положил их на стол и расписался.

– Ну-с, а это-с? – пошутил предводитель, указывая на пачку, – в каком же смысле следует понимать «это»?..

– Н-да... то есть, вы хотите сказать: «это»? – переспросил губернатор, как бы очнувшись.

– Да-с! Это-с. Именно оно самое... это-с!

– Гм... «это»?.. Это... воздаяние!